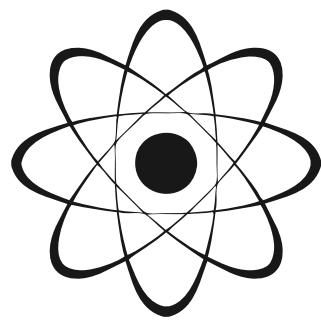

FUTURIS

Станислав Бескаравайный

БЫТИЕ ТЕХНИКИ И СИНГУЛЯРНОСТЬ

УДК 008
ББК 32.813
Б53

Бескаравайный, Станислав

Б53 Бытие техники и сингулярность / С. Бескаравайный. — М. : РИПОЛ классик. — 476 с. — (FUTURIS).

ISBN 978-5-519-64950-6

Человечество неминуемо приближается к технологической сингулярности — моменту, когда технический прогресс станет настолько стремительным и сложным, что будет недоступен для нашего понимания. Но как именно будет проходить этот скачок в развитии? И что ждёт нас за его гранью?

Для поиска ответов на эти вопросы необходимо идти от основ: разбираться с понятиями «техника», «парадигма техники», с методами прогнозирования.

Фантасты много рассказали про «восстание машин», и некоторые их выдумки просто смешны. Однако есть вполне объективный процесс развития техники и роста ее самодостаточности. Эволюция машин схожа со становлением человеческого разума, и этапы развития цивилизации можно рассмотреть как периоды формирования будущего техносубъекта.

Как человек станет жить рядом с осознающей себя техносферой? В чём люди изменятся, и на что ещё будет надежда?

**УДК 008
ББК 32.813**

ISBN 978-5-519-64950-6

© Бескаравайный С. С., 2018
© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2018

*Боги прячут рог изобилия
в ящиках Пандоры...*

ВВЕДЕНИЕ

Какой будет техника через тридцать лет? Через пятьдесят?
А через сто?

В мире тысячи людей размышляют над этими вопросами, и миллионам требуется ответы. Обоснованные, точные, детальные. Но нельзя получить их на «блюдечке с голубой каемочкой».

У нашей цивилизации давняя и очень сложная история прогнозирования. Неисчислимое количество раз астрологи и биржевые маклеры обманывали клиентов. Не меньше было искренне заблуждавшихся футурологов. Особенно сложно с прогнозированием удаленных во времени событий — всего того, что случится за горизонтом сегодняшнего дня, в изменившейся обыденности.

Рецепт удачных прогнозов известен давно: переход от численного прогнозирования и простой экстраполяции — к рассуждениям с гибкими понятиями, к импровизациям. Попытка работать с качественно новыми терминами и моделями. Но слово «удачных» здесь ключевое.

Чтобы хоть как-то упорядочить выдумку и уйти от чистой спекуляции требуется строгость выводов. А решить этот парадокс — упорядочение работы с метафорой и образом — может лишь философское знание.

С ним тоже сложности.

В философии есть две проблемы, известные любому постороннему человеку: туманные и запутанные слова, которые сами философы называют «птичий язык», и чрезмерная абстрактность, оторванность от реальной жизни.

Некому читать велеречивые схоластические умствования.

Сами же философы советуют доступнее и грамотнее фиксировать свои мысли на бумаге, разрабатывать актуальную тематику. Тогда люди поймут, что хотел сказать автор, и заодно им будет интереснее читать его работы.

Актуальность, к сожалению, часто подменяется понятием «моды», и это проблема не только философии, но и множества других дисциплин: когда на слуху фамилии всего лишь нескольких авторов и полудюжины книг. А чтобы составить непредвзятое мнение, надо буквально перелопатить сотни источников. Обычному читателю порой сложно разобраться в нагромождениях фамилий авторов. Однако философия — не та дисциплина, где потребителю можно опираться, как в литературе, исключительно на свой вкус.

Погоня за формой не дает ответа. Уместно вспомнить слова Платона — поэт, «если только он хочет быть настоящим поэтом, должен творить мифы, а не рассуждения» [182], но если человек ищет истину, то ему надо становиться философом.

В конечном итоге, философия интересна и познавательна, если отвечает на вопросы, которые тревожат людей.

Кому адресована книга? Кто эти люди?

— Обыкновенный наемный работник, продающий не столько выдающиеся качества своего ума или тела, сколько самые обычные навыки, которым может научиться буквально каждый. Причем не за годы упорного труда, а за несколько месяцев на курсах.

Он должен хоть немного представлять себе масштаб изменений. Еще двадцать лет назад стать шофером означало получить вос требованный навык. Такие везде нужны. Если не на большегрузной фуре, то на автобусе, в такси или грузовичке. В 2016-м беспилотный автомобиль впервые задавил пешехода. Массовое «перевооружение» транспорта — неизбежно.

Схожая трансформация ждет все профессии. И вопрос не в поиске новых вакансий, а в изменении самого себя. Наемным работникам в книге посвящены разделы о возможных изменениях человека, его тела, образа жизни.

— Художник, писатель, человек искусства. Коллизия тут схожая. За четверть века мы перешли из эпохи трех телевизионных каналов в мир, где неограниченное количество фильмов и книг можно скачать на свой компьютер. Магнитофоны и караоке, бесплатная музыка из Сети. Если потребитель не слишком взыскателен, то он уже находится в «цифровом коммунизме». Все — даром!

Но возникла игровая реальность, электронное зазеркалье нуждается в своих мастерах, и роль эту еще не всегда могут исполнить компьютерные программы.

— Инженер. Он тоже наемный работник, но стоит он по другую сторону от станка. И пока именно инженеры определяют будущий облик машин и производительность конвейеров.

Банальны слова о том, что таким людям приходится учиться всю жизнь. Но чему именно потребуется учиться — каковы будут векторы развития техники и основные противоречия, определяющие облик новых машин? Инженерам посвящены разделы о парадигмах техники и прогнозы развития отдельных отраслей промышленности.

— Бизнесмен и управленец. Про автоматизацию и роботизацию производства рассуждали миллионы раз. Сегодня на биржах соревнуются электронные брокеры. Но как быть с totally компьютеризированным конкурентом, за которым вообще не стоят люди? Или есть, но по факту эти владельцы пакетов акций ничего не решают и вполне довольны теми доходами, которые получают от однажды установленных программ? Что делать с потенциальным исчезновением человека как производительной силы? И даже как покупателя?

Из-за нарастания скорости изменений в прогрессе управленцы столкнутся с суммой задач, которые невозможно решить только копированием стандартных приемов их успешных предшественников и конкурентов.

Деловым людям, организующим производство или жизни других людей, адресованы рассуждения о моносубъектах и полисубъектах, об автотрофных техноценозах.

— Исследователь. Сегодня несколько наивными могут показаться рассуждения С. Лема о потенциальной остановке науки — ему казалось, что память человека выступит ограничителем прогресса. Поисковые машины в наши дни — как револьвер Кольта в позапрошлом столетии — пытаются делать людей равными. Знания доступны всем в любую секунду. Однако проблем у науки меньше не стало.

Исследователь столкнется с феноменом не просто бесконечного количества информации, но неограниченного числа вновь открытых закономерностей и тенденций. Роботизированные лаборатории и новые программы анализа данных возьмут на себя роль «естествоиспытателей» и «аспирантов». Вопрос: «Как быть человеку-исследователю?» — анализируется в третьей и четвертой главах.

В общем, все сложно. Но если попытаться объединить перечисленные группы людей, вычленить из них какую-то общую пролайку или совокупность?

Наиболее близким по объему и содержанию понятием будет *когнитарий*. Это еще не устоявшийся термин, который имеет несколько трактовок. У Дж. Белла и Э. Тоффлера «когнитариат — широкий слой работников, участвующих в сборе, создании, переработке, распространении и прикладном использовании информации и знаний», это класс «работников умственного труда». В иллюзиях 70–80-х будущее постиндустриальное обществоказалось обществом услуг. Потому когнитарии отождествлялись с людьми, переводящими бумажки или нажимающими кнопки. Однако компьютерная революция, доведенная до своего предела, это устранение человека от рутинной обработки информации. Кассирша и бухгалтер исчезнут вместе с шофером.

Если устранить людей, которые просто обрабатывают информацию, не создавая никакого продукта, а также всех, кто занят ис-